

Светлов П. Я., *прот.* Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания: (Богословско-апологетическое исследование): [Понятие о Царстве Божием] // Богословский вестник 1902. Т. 3. № 11. С. 257–290 (2-я пагин.). (Продолжение.)

ИДЕЯ ЦАРСТВА БОЖІЯ

въ ея значеніи для христіанскаго міросозерцанія.

(Богословско-апологетическое изслѣдованіе) ¹⁾.

*Остави мертвыя погребсти своя
мертвецы, ты же шедь возвѣщай
царствіе Божіе.*

Ев. Лук. гл. IX, ст. 60.

III.

Средства къ основанію (возстановленію) царства Божія.

Евангельское нравственное ученіе, какъ единственное средство къ основанію царства Божія по возрѣнію рационализма. *Отрицаніе необходимости второго прішествія для исполненія царства Божія въ рационализмъ и его мнимыя основанія:* а) неподлинность эсхатологическаго элемента въ евангельскомъ ученіи о царствѣ Божіемъ и б) несомвѣстимость его съ этическимъ понятіемъ о царствѣ Божіемъ.—*Совмѣстимость эсхатологической стороны въ понятіи о царствѣ Божіемъ съ его этической стороною вопреки рационализму.*—Недостаточность одного ученія для осуществленія царства Божія даже только какъ духовно-нравственнаго блага и необходимость второго прішествія Христова; совмѣстимость идеи развитія въ евангельскомъ возрѣніи царства Божія съ эсхатологическимъ элементомъ въ понятіи о царствѣ Божіемъ.—ИскуПЛЕНІЕ въ широкомъ смыслѣ, какъ главнѣйшее условіе возстановленія царства Божія въ мірѣ.—Церковь, какъ посредница искупленія и какъ главное и первое въ силу этого средство основанія царства Божія на землѣ.—Вспомогательныя и второстепенныя послѣ церкви орудія царства Божія: наука, литература, искусство, государство, словомъ—культура или цивилизація, и особенное значеніе государства, какъ служебнаго орудія въ дѣлѣ созиданія христіанствомъ царства Божія на землѣ. Важность вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ государства и церкви и переходъ къ слѣдующей главѣ.

Односторонне—этическое понятіе о сущности царства Божія, свойственное рационализму и богословію рационалистич-

¹⁾ Продолженіе. См. *Богосл. Вѣстн.*, Окт., стр. 117—148.

ческаго направленія (представители его въ философіи Гердеръ, Кантъ, Лессингъ и др., въ богословіи—Шлейермахеръ, Штеудлинъ, Ренанъ, Кеймъ, Ричль, Гарнакъ, Шенкель и др.) естественно сопровождается одностороннимъ понятіемъ о средствахъ къ осуществленію царства Божія. Царство Божіе, какъ полагаютъ здѣсь, основывается однимъ только ученіемъ Христа (моральнымъ); оно постепенно растетъ и развивается изъ сѣмени евангельскаго слова, посѣяннаго великимъ Учителемъ въ сердцахъ людей (Мѡ. XIII, 1 и дал.). Въ Себѣ Самомъ и въ Своемъ ученіи Иисусъ Христосъ открылъ путь новой совершеннѣйшей, духовной религіи на землѣ, религіи духа и любви. Нагорная проповѣдь о Богѣ—Отцѣ и о взаимной любви людей, какъ сокращеніе всего Христова ученія, была тѣмъ фундаментомъ, на которомъ суждено было воздвигнуться царству Божію, составлявшему цѣль всего дѣла и ученія Христова. Очевидно, въ такомъ представленіи о царствѣ Божіемъ исключается моментъ эсхатологическій. Какъ же однако рационализмъ поступаетъ съ тѣми ясными мѣстами евангелія и посланій апостольскихъ, гдѣ говорится о второмъ пришествіи Иисуса Христа и о томъ, что царство Божіе окончательно будетъ осуществлено въ концѣ временъ? Извѣстно всѣмъ, какъ раздѣляется съ этими трудными мѣстами Ренанъ. Онъ не отвергаетъ подлинности ученія Христова о второмъ славномъ пришествіи на землю для устройства царства Божія, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не придаетъ никакого значенія этому ученію. По его мнѣнію, Христосъ сталъ говорить о второмъ Своемъ пришествіи во второй періодъ Своей жизни, передъ смертью, когда Онъ измѣнилъ Своему прежнему чистому міросозерцанію и сошелъ съ него на неправильные пути, увлекшись даже до фанатизма въ борьбѣ съ иудаизмомъ. Другіе богословы не довольствуются фантазіей Ренана и стараются различнаго рода экзегезисомъ этихъ мѣстъ такъ или иначе устранить ихъ, лишить ихъ всякаго значенія. Большинство принимаетъ, что предсказанія Спасителя о послѣднихъ временахъ Царства Божія и о Его второмъ явленіи не подлинны, а являются послѣдующими добавленіями учениковъ Его, такимъ образомъ искажавшими Его ученіе. Ученики Христовы не могли вполне отрѣшиться отъ іудейскихъ понятій о Мессіи и Его царствѣ, по которымъ Мессія долженъ

быть вступить торжественно въ обладаніе—чисто внѣшнее, политическое—всѣмъ міромъ и во славу своей явиться на землю, чтобы произвести судъ, воскресить мертвыхъ, обновить природу и т. д. Разгоряченные мессіанскими чаяніями, ученики Христовы могли, говорятъ, вложить въ Его ученіе такой смыслъ, какой имъ былъ желателенъ. Такимъ образомъ возникло среди первыхъ христіанъ ожиданіе скорого пришествія Христова. Однако и безъ длинныхъ препирательствъ съ отрицательною критикою ошибочность ея мнѣнія о неподлинности эсхатологическаго элемента въ евангельскомъ ученіи о царствѣ Божіемъ можетъ быть коротко показана здѣсь, для чего достаточно ограничиться указаніемъ хотя-бы слѣдующаго обстоятельства. Рационалистическая критика, въ общемъ, признаетъ подлинность предсказанія Спасителя о разрушеніи Іерусалима, но въ этомъ же пророчествѣ есть предсказаніе и второму Его пришествію, слѣдующее тотчасъ за словами о разрушеніи Іерусалима. Если бы эта рѣчь была измышлена, то, разумѣется, въ ней не было-бы предсказанія и о скоромъ пришествіи Христа по разрушеніи Іерусалима; а если подлинно пророчество о разрушеніи Іерусалима, то, слѣдовательно, подлинны и остальные части рѣчи.

Впрочемъ, для насъ гораздо важнѣе отмѣтить не столько внѣшнія, сколько внутреннія основанія или мотивы отрицанія эсхатологической стороны царства Божія въ односторонне — этическомъ понятіи о немъ. Этихъ основаній отъ насъ не скрываютъ.

Видятъ, обыкновенно, рѣзкое противорѣчіе между этической и эсхатологической сторонами царства Божія и указываютъ на невозможность ихъ примиренія въ цѣльномъ понятіи царства Божія. Царство Божіе, этически понимаемое, духовно, оно внутри насъ, откровеніе Бога въ духѣ человѣческомъ; эсхатологически понимаемое, царство Божіе есть видимое и внѣшнее откровеніе славы Божіей, порядокъ вещей, осуществляемый безъ человѣка дѣйствіемъ внѣшняго Божественнаго всемогущества. Царство Божіе евангельскихъ притчъ растетъ и развивается и осуществляется постепенно, а царство Божіе въ эсхатологическомъ возрѣвнн представляется результатомъ внезапнаго и неожиданнаго дѣйствія Божественнаго могущества въ природѣ и исторіи.

Дѣйствительно-ли существуетъ указанное противорѣчiе между этической и эсхатологической сторонами царства Божiя, и этическое пониманiе исключается эсхатологическимъ? Совсѣмъ нѣтъ. Для доказательства этого опѣнимъ главную ошибочную мысль рационализма, будто для осуществленiя царства Божiя достаточно было одного ученiя, принесеннаго Иисусомъ Христомъ.

Если мы станемъ даже на точку зрѣнiя рационализма въ понятiи о царствѣ Божiемъ, т. е. на точку зрѣнiя узко-этической, то и тогда придемъ къ заключенiю, что однимъ ученiемъ царство Божiе не могло-бы быть установлено.

Рационализмъ отрицаетъ христіанское ученiе о грѣхѣ, о поврежденiи нравственной человѣческой природы и въ понятiи о нравственной природѣ человѣка стоитъ на почвѣ такъ называемаго интеллектуализма, т. е. полагаетъ, что корень грѣха заключается не въ чемъ иномъ, какъ только въ невѣжествѣ человѣка, въ недостаточномъ знанiи истины. Очевидно, что съ просвѣщенiемъ ума, съ сообщенiемъ ему полнаго знанiя истины устранены будутъ, по воззрѣнiю рационализма, главныя препятствiя на пути къ осуществленiю царства Божiя. При такомъ воззрѣнiи на нравственное состоянiе человѣка, дѣйствительно, достаточно къ осуществленiю царства Божiя одного ученiя. Но такъ какъ этотъ взглядъ на человѣческую природу и это ученiе о злѣ не могутъ быть приняты нами, то самъ собою падаетъ и вытекающій изъ нихъ выводъ. По христіанскому ученiю, корень нравственнаго зла заключается не въ умѣ, а въ сердцѣ, въ состоянiи человѣческой воли, въ ея склонности ко злу. Господь говоритъ, что „изъ сердца исходятъ злыя помыслы“ (Мр. VII, 21—23; Мѣ. XV, 18—20). Въ этомъ отношенiи Иисусъ Христосъ и Сократъ представляютъ рѣзкій контрастъ между собою. Сократъ, основатель интеллектуалистической точки зрѣнiя на нравственность, полагалъ, что все зло заключается въ незнанiи истины, а потому философія у него является средствомъ вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственнаго обновленiя человѣка. Иисусъ же Христосъ корень зла указываетъ въ сердцѣ человѣка, т. е. въ волѣ, въ извращенныхъ человѣческихъ чувствахъ и стремленiяхъ. Отсюда очевидно, что для обновленiя человѣческой природы кромѣ просвѣщенiя ума требуется исправленiе воли и сердца, которое мо-

жетъ быть достигнуто лишь кореннымъ, сверхъестественнымъ, благодатнымъ измѣненіемъ или возрожденіемъ чело-вѣческой души. Но и этого для нравственнаго восстановленія мало: требуется кромѣ того уничтоженіе грѣха не только въ самомъ чело-вѣкѣ, но и всѣхъ его послѣдствій внѣ чело-вѣка. Устраненіе физическаго зла, какъ слѣдствія грѣха, существующаго въ природѣ, требуется интересами и нравственнаго совершенствованія чело-вѣка: нравственное совершенствованіе чело-вѣка требуетъ для себя и внѣшнихъ благопріятныхъ условій, а при настоящихъ условіяхъ или въ настоящей обстановкѣ, въ которой живетъ чело-вѣкъ, само физическое зло во всѣхъ его видахъ служитъ препятствіемъ къ добру. Общее дѣйствіе зла физическаго состоитъ въ томъ, что оно вообще понижаетъ въ насъ нравственную энергію, ослабляетъ ее, понижаетъ вѣру въ добро, а иногда является причиной различныхъ пороковъ и нравственныхъ паденій (таковы болѣзни, бѣдность и т. д.). Отсюда устраненіе зла въ природѣ и обществѣ является необходимымъ моментомъ въ исторіи царства Божія. Другими словами, царство Божіе, понимаемое даже въ одномъ этическомъ смыслѣ, какъ понимаютъ его рационалисты, требуетъ могущественнаго вмѣшательства Божественной силы въ существующій порядокъ вещей въ природѣ и въ исторіи, т. е. второе пришествіе Христова получаетъ полный смыслъ и значеніе въ дѣлѣ осуществленія царства Божія. Отсюда то противорѣчіе, которое рационалисты думаютъ видѣть между этическимъ или чисто „духовнымъ“ пониманіемъ царства Божія и эсхатологическимъ, мнимо „матеріальнымъ“, совершенно уничтожается: царство Божіе сохраняетъ духовный свой характеръ и въ эсхатологической концепціи.

Точно также при правильномъ пониманіи эсхатологическаго элемента въ ученіи о царствѣ Божіемъ не окажется никакого противорѣчія въ немъ идеѣ развитія въ евангельскомъ воззрѣніи царства Божія, находимаго нѣкоторыми богословами (Рейссъ, Гольцманъ, Гарнакъ и др.). Христосъ, говорятъ, не училъ о какомъ либо внезапномъ переворотѣ вещей въ природѣ и исторіи, какимъ обыкновенно представляется въ эсхатологической концепціи царства Божія конецъ міра, а училъ о медленномъ, постепенномъ и органическомъ ростѣ и развитіи царства Божія, какъ растетъ растеніе изъ сѣмени.

И такъ, все дѣло въ пониманіи „конца міра“... Но въ предъидущей главѣ мы видѣли, что указанное грубо-матеріальное и обычное въ эсхатологіи пониманіе конца міра въ смыслѣ внѣшняго переворота или міровой катастрофы не можетъ быть признано правильнымъ. Такъ-какъ противорѣчіе эсхатологическаго элемента въ понятіи о царствѣ Божіемъ съ евангельскою идеею развитія царства Божія возникаетъ лишь на почвѣ этого вульгарнаго понятія о концѣ міра, то здѣсь намъ представляется случай отмѣтить его неправильность и несогласіе съ ученіемъ свящ. Писанія и свящ. Преданія.

По ходячимъ представленіямъ естественное теченіе вещей въ природѣ и исторіи нѣкогда будетъ внезапно приостановлено вмѣшательствомъ внѣшняго или сверхъестественнаго Божественнаго могущества и тогда наступитъ конецъ міру, конецъ всему. Міровой процессъ вдругъ закончится внезапною катастрофою; міръ разрушится и упразднится, а на развалинахъ его во мгновеніе ока всемогущею десницею воздвигнутся новое небо и новая земля, и міръ станетъ царствомъ Божіимъ...

Такое представленіе о кончинѣ міра, какъ исключительно-внѣшней катастрофѣ, противорѣчитъ библейскому воззрѣнію на конецъ міра. По библейскому воззрѣнію міръ постепенно и естественнымъ путемъ идетъ къ концу своему, который не будетъ для него чѣмъ-то внезапнымъ и насильственнымъ; но явится зрѣлымъ плодомъ его длинной исторіи; онъ будетъ въ истинно-библейскомъ смыслѣ *полнотою времени* (*τὸ πλήρωμα τῶν καιρῶν*, — *τοῦ χρόνου*), какою было явленіе Бога въ міръ, Сына Божія во плоти (Ефес. I, 10; Гал. IV, 4), т. е. исполненіемъ, завершеніемъ, результатомъ предшествующихъ вѣковъ исторіи, подготовлявшей міръ къ принятію Искупителя. Кончина міра въ свящ. Писаніи, именно въ евангеліи, Самимъ Христомъ называется *жатвою*, — словомъ, которое какъ нельзя точнѣе и съ несомнѣнною наглядностью выражаетъ мысль о естественности или натуральности конца міра (Мѡ. XIII, 30, 39; Мр. IV, 29 ср. Апк. XIV, 15—16): міръ зрѣетъ для конца, какъ созрѣваетъ хлѣбъ на полѣ для жатвы. Конецъ міра наступитъ такъ же, какъ наступаютъ лѣто, старость, смерть, т. е. медленно, постепенно и естественно движеніемъ самаго времени, и для

конца міра есть такіе же естественные и вѣрные признаки, какіе есть у старости, время года и т. п. Такое значеніе даетъ признакамъ второго Своего пришествія и кончины міра Самъ Господь, заключившій указаніе ихъ въ своей эсхатологической рѣчи притчею: „И сказалъ имъ притчу: посмотрите на смоковницу и на всѣ деревья. Когда они уже распускаются; то, видя это, знаете сами, что уже близко лѣто. Такъ, и когда вы увидите то сбывающимся, знайте, что близко царствіе Божіе“ (Лук. XXI, 29—31; Мѣ. XXIV, 31—32; Мр. XIII, 28—30). Правда, „о днѣ же томъ или о часѣ никто не знаетъ“ (Мр. XIII, 32), хотя и указаны вѣрные признаки его для чуткихъ душъ и внимательныхъ умовъ; но вѣдь и старость, и смерть кажутся всегда намъ какъ-бы внезапными и неожиданно подкрадываются къ намъ, хотя для внимательныхъ ихъ признаки явны и несомнѣнны. Въ такомъ только смыслѣ внезапна будетъ и кончина или смерть міра, необходимая для перехода его изъ низшей въ высшую и лучшую форму бытія, какъ смерть отдѣльныхъ лицъ необходима въ смыслѣ перемѣны худшей формы бытія на лучшую. *Св. Григорій Нисскій* представляетъ кончину и разрушеніе міра не внѣшнимъ какимъ-либо по отношенію къ міровой жизни, не насильственно относящимся къ ней событіемъ, но событіемъ законосообразнымъ, разумнымъ, плотно входящимъ въ контекстъ міровой жизни; онъ видитъ „законъ, по которому не вдругъ совершается переходъ отъ жизни скорбной къ вождельнному состоянію, но опредѣленное нѣкое время продолжавшаяся тяжкая и тѣлесная эта жизнь ждетъ конца, исполненія всего.. Поэтому и намъ надлежитъ не скорбѣть о кратковременномъ замедленіи уповаемаго... Если кто предскажетъ какому-либо опытному человѣку, что во время лѣта будетъ собираніе плодовъ, наполнятся хранилища, и трапеза будетъ полна свѣдей во время сего обилія: то суетенъ будетъ онъ, если поспѣшитъ желать наступленія этого времени, когда еще должно съ-яты.. Время, хочеть-ли, не хочеть-ли кто, непременно наступитъ въ опредѣленный срокъ“ ¹⁾. Это время наступитъ, когда христіанство исполнитъ свою миссію на землѣ, когда

¹⁾ Сл. „Объ устройствѣ чловѣка“ XXII гл. Тв—ій св. отцевъ т. XXXVII, стр. 164, 169.

закваска заквасить все тѣсто (Мѡ. 13, 33), когда вѣтви древа христіанскаго покроютъ собою всю землю (ср. Мѡ. 13, 31—32 съ Мѡ. 24, 14). Для этого прежде всего христіанство должно быть проповѣдано всему міру, а потомъ еще должно назначить неопредѣленно — продолжительный періодъ времени для его усвоенія, для переживанія христіанскихъ началъ. Христіанство должно быть съ внутренней стороны выжито, прочувствовано во всей глубинѣ и по всѣмъ направленіямъ. Міръ будетъ стоять, пока человѣчество еще будетъ способно къ духовному броженію, пока еще въ немъ бьется жизнь; когда оно уже все рѣщитъ и ему ничего не останется переживать и потому лѣнь и апатія заступятъ мѣсто духовной энергіи — человѣчеству конецъ, а съ нимъ и міру: все созрѣло и перезрѣло, все одряхлѣло и сдѣлалось неспособнымъ къ жизни; закваска стала излишнею: нечего заквашивать, ибо броженіе, жизнь невозможны. Къ концу міра ясно обозначится одряхлѣніе всего, что въ немъ есть: и природы, и человѣчества. Все будетъ тогда представлять картину печальной, хотя и необходимой старости, разложенія и разрушенія... Въ государственномъ и социальномъ порядкѣ всюду неустройство, перевороты, колебанія. Въ международныхъ отношеніяхъ будетъ господствовать не тотъ вождедѣнный міръ, о которомъ мечтаетъ нынѣшняя цивилизація, а самая свирѣпая вражда, какой міръ не видалъ еще отъ самаго начала своего: „возстанетъ народъ на народъ и царство на царство“ (Мр. XII, 8); внутри же государствъ — смятенія (ст. 8). Развращеніе нравственное достигнетъ крайнихъ предѣловъ: вмѣсто любви „умножатся беззаконія“ (Мѡ. 24, 13) и люди будутъ успѣвать во всевозможныхъ порокахъ (2 Тм. 3, 7). Если обратиться отъ людей къ природѣ, то и въ ней замѣтимъ слѣды разложенія и разрушенія. Законы природы перестаютъ дѣйствовать съ прежнею силою и правильностью, производительная сила ея ослабѣваетъ: оскудѣніе почвы и вслѣдствіе этого повсемѣстный голодъ; заразительныя эпидеміи, землетрясенія, „ужасныя явленія“ на землѣ и на небѣ—метеорологическія и астрономическія—все это знаки того, что механизмъ природы разстроился и отказывается работать. Все въ немъ развинтилось, расклеилось, поломалось, и оттого все выходитъ не такъ, какъ слѣдовало-бы: то слишкомъ изобильный

дождь, то засуха, то бури, то затишье; земледѣльцу уже нечего дѣлать на полѣ, моряку — на морѣ, и „люди будутъ издыхать отъ страха и ожиданія бѣдствій, грядущихъ на вселенную“ (Мѡ. 24, 7; Мр. 13, 8; Лк. 21, 11. 25). Вотъ какую картину рисуетъ св. *Ефремъ Сиринокъ* для времени передъ вторымъ пришествіемъ: „... Будутъ... тяжкіе глады, продолжительныя язвы, непрестанныя землетрясенія, повсюду оскудѣніе пищи, великая скорбь, повсюду тѣснота, непрестанныя смерти, великій страхъ, внезапный трепетъ. Тогда небеса не дадутъ дождя, земля не будетъ приносить плодовъ, источники изсякнутъ, рѣки изсохнутъ. Трава не будетъ расти, не покажется на землѣ зелени; деревья замерзнутъ въ корняхъ и не дадутъ отпрысковъ; рыбы и киты въ морѣ изомрутъ. И море издастъ такое заразительное зловоніе и такой страшный шумъ, что люди будутъ падать безъ чувствъ и умирать со страха“¹⁾. Отъ этого одряхлѣнія и разложенія природы одинъ только шагъ къ ея полной смерти, разрушенію. Такимъ образомъ, конецъ является естественнымъ и необходимымъ звеномъ въ цѣпи міровыхъ явленій, завершительнымъ моментомъ мірового процесса, органически входящимъ въ этотъ послѣдній; новый міръ и будущій вѣкъ (*αἰὼν μέλλον*) естественнымъ плодомъ міра этого и вѣка настоящаго (*αἰὼν οὗτος*). По мѣткому замѣчанію Э. Гюдера, міръ настоящій и будущій такъ органиче-

¹⁾ Стл. 94 „На пришествіе Господне“ (2) Тв—ій т. XV, стр. 124. Отклоненіе природы отъ нормальнаго порядка вещей есть явленіе постоянное въ ней со времени грѣхопаденія, и ово есть, съ одной стороны, естественное состояніе для нея, не противорѣчающее законамъ ея, съ другой—слѣдствіе сверхъестественнаго распоряженія Промысла, въ самомъ началѣ вещей установившаго соотвѣтствіе между природою и исторією (*Опытъ апологетическаго изложенія христіанскаго вѣрованія* т. I, стр. 253, ср. т. II, стр. 110—115). Такимъ образомъ, описываемыя св. Ефремомъ Сиринымъ бѣдствія въ концѣ міра будутъ слѣдствіемъ усиленія постоянного и естественнаго въ природѣ разстройства; всѣ они будутъ такъ же естественны, какъ естественны нынѣ эпидеміи (холера, чума, инфлюэнца), войны, голода, землетрясенія, бури, наводненія, изверженія вулкановъ, всѣ стихійныя бѣдствія послѣднихъ лѣтъ. Все это, несомнѣнно, естественно, поскольку объяснимо дѣйствіемъ естественныхъ причинъ; но кто можетъ за видимою стороною этого естественнаго отрицать невидимое и сверхъестественное дѣйствіе вразумляющей насъ десницы Промысла Божественнаго?...

ски связаны между собою, что „только окончаніе одного дѣлаетъ возможнымъ возникновеніе другого, и съ началомъ одного становится возможенъ конецъ другаго... Поэтому отношеніе ихъ другъ къ другу то же; что и отношенія сѣянія и роста къ жатвѣ и уборкѣ, собираию плодовъ (Einsammlung)“¹⁾. Для новаго міра нужно разрушеніе стараго, какъ тлѣніе зерна—для растенія, какъ смерть—для воскресенія: „то, что ты сѣешь, не оживетъ, если не умретъ“ (1 Кор. XV, 36) и: „истинно, истинно говорю вамъ: если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода“ (Іоа. XII, 24). „Эта земля“, говоритъ Шплитгерберъ, „должна обновиться въ огненной могилѣ“ (Feuergrab) и, хотя въ иной формѣ, но все-таки пережить тотъ же процессъ разложенія и гніенія, какому подвергается наше тѣло, для прославленія... Кончина міра есть какъ бы смерть, обновленіе міра—воскресеніе твари“²⁾. Въ этомъ прекрасномъ библейскомъ сравненіи конца міра со *смертью* и въ библейскомъ названіи кончины міра *жатвою* не простая метафора, а указаніе на дѣйствительный характеръ событій, — на естественность и законмѣрность конца міра³⁾.

Это общее положеніе свое мы можемъ подтвердить анализомъ одного изъ частныхъ и важнѣйшихъ событій, входящихъ въ составъ того, что называется концомъ міра. Разумѣемъ здѣсь послѣдній всеобщій судъ. Главный моментъ и даже сущность суда заключается въ отдѣленіи добра

¹⁾ Die Lehre von d. Erscheinung Iesu Christi unter d. Todten. Bern. 1853 p. 102.

²⁾ Splittgerber. Tod, Fortleben, Auferstehung. Halle 1869. p. 175.

³⁾ По представленному здѣсь библейскому воззрѣнію, старость, а съ нею смерть составляютъ неабѣжную участь не только отдѣльныхъ лицъ, но и всего человѣчества. Противникамъ царства Божія на землѣ однако нельзя ничего вывести отсюда въ пользу своихъ взглядовъ на царство Божіе. Не забудемъ, что всякой старости предшествуетъ зрѣлый возрастъ, періодъ высшаго разцвѣта всѣхъ силъ и способностей человѣка. Такой періодъ долженъ быть и въ исторіи царства Божія на землѣ; онъ долженъ предшествовать „послѣднимъ временамъ“ міра, неопредѣленной продолжительности, и объ этомъ разцвѣтѣ и возможно — полномъ раскрытіи царства Божія на землѣ мы и молимся: „Да придетъ царствіе Твое“!...

(или—добрыхъ) отъ зла (злыхъ), на землѣ смѣшанныхъ, до невозможности, повидимому, ихъ раздѣленія, какъ бываетъ на полѣ смѣшана пшеница съ плевелами (Мѡ. XIII, 28—29). Отдѣленіемъ зла, поддерживающагося на землѣ паразитическою связью съ добромъ, отъ этого добра злое безусловно осуждается на конечную гибель и отреченіе — на судъ, ибо только при этомъ раскроется царство добра, царство Божіе, во всей полнотѣ и свѣтѣ своемъ безъ всякой примѣси тьмы, а царство зла развернетъ свои мрачныя и гибельныя бездны. Такъ совершится судъ Божій надъ зломъ и добро восторжествуетъ надъ зломъ. Самое отдѣленіе добра и зла, конечно, нельзя представлять грубо — матеріальнымъ образомъ подъ видомъ внѣшняго механическаго передвиженія всемогущею силою однихъ направо, другихъ—направо. Отдѣленіе зла отъ добра будетъ подготовлено и совершено естественнымъ путемъ крайняго усиленія зла, антихристіанскаго направленія духа въ отдѣльныхъ лицахъ и народахъ, до полной и очевидной противоположности добру. Это необходимо требуется непогрѣшимымъ правосудіемъ, которое должно дать всѣ средства человѣку для познанія истины и добра прежде суда надъ нимъ; но такое познаніе или отличеніе добра отъ зла затрудняется теперь въ наше время смѣшенія чернаго съ бѣлымъ и бѣлаго съ чернымъ. Обвинительный приговоръ будетъ произнесенъ надъ невѣріемъ въ Сына Божія сознательнымъ и упорнымъ, и люди будутъ судимы, согласно съ требованіемъ правды, соответственно положенію, которое они *захотятъ* принять по отношенію къ христіанству, къ Самому Христу. Но тогда, въ послѣднія времена, не принять истину значить будетъ не хотѣть истины. Въ то время уже нельзя будетъ не знать истины и отвергать добро по невѣдѣнію: въ то время добро (христіанство) и враждебное ему зло станутъ другъ передъ другомъ во всей своей непримиримой и для всѣхъ очевидной противоположности свѣта и тьмы,—и людямъ останется только сдѣлать сознательно выборъ между зломъ и добромъ, стать на сторону христіанства или въ ряды антихриста. Тогда — то именно избраніе зла и пребываніе въ немъ получаютъ характеръ явнаго и сознательнаго отверженія добра, противленія истинѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ злое въ мірѣ обречетъ себя, какъ неспособное къ исправленію, на погибель, судъ.

Въ то же время сознательности выбора путей жизни будутъ содѣйствовать людямъ прямо и косвенно и другія событія послѣднихъ временъ міра, премудрою рукою Промысла направляемыхъ къ одной цѣли, къ развязкѣ и концу всего. Евангеліе станетъ дѣйствительно извѣстно всему міру, а разительное подтвержденіе истины его дано будетъ міру обращеніемъ въ христіанство упорныхъ и закоренѣлыхъ враговъ его,—остатка Израилева... Этому же, можетъ быть, послужатъ и знаменія небесныя... Время долготерпѣнія Божія кончится, и крайнимъ развитіемъ зла въ чело-вѣчествѣ, сознательнаго и неисцѣлимаго уже, опредѣлится день суда; поэтому-то въ числѣ признаковъ второго пришествія по времени явленіе въ мірѣ „отступленія“, или антихриста, занимаетъ послѣднее мѣсто. Антихристъ именно и послужитъ этому разлученію между зломъ и добромъ, необходимому для торжества добра надъ зломъ и погибели зла. И здѣсь именно въ послѣдній разъ Промысломъ Божественнымъ совершится поразительнѣйшее изъ чудесъ: чудо извлеченія добра изъ зла, превращенія зла въ добро, царства зла въ самое крайнее его развитіе въ орудіе окончательнаго торжества и полнаго откровенія царства Божія. Но въ чемъ здѣсь собственно чудо? Міръ движется къ такому концу, къ торжеству добра, естественнымъ ходомъ вещей и дѣйствіемъ естественныхъ силъ и законовъ, заправляющихъ историческимъ развитіемъ чело-вѣчества; но эти силы и законы направляются въ ихъ дѣйствіи всемогущею Любовью и Премудростью къ великой цѣли откровенія царства Божія, къ единенію всѣхъ и всего въ Богѣ. Чудо устроенія царства Божія, какъ всѣ чудеса, имѣетъ естественную основу, и исторія царства Божія въ то же время есть всемірная исторія, служащая предметомъ разумнаго, научнаго изученія, въ которомъ конецъ исторіи является естественнымъ завершеніемъ всего всемірно-историческаго прогресса.

И такъ, въ эсхатологической концепціи царства Божія, вѣрной евангелію, не обрѣтается никакого противорѣчія ни этической концепціи царства Божія вообще, ни идеѣ развитія въ евангельскомъ ученіи о царствѣ Божіемъ въ частности, а потому нѣтъ основаній и къ отрицанію подлинности эсхатологическаго элемента въ евангельскомъ благо-

вѣстїи царства Божїя и въ частности — такъ наз. эсхатологическихъ рѣчей Господа 1).

1) Проф. А. Гарнакъ въ своихъ извѣстныхъ лекціяхъ о сущности христіанства по отношенію къ эсхатологическому элементу въ евангельскомъ ученіи о царствѣ Божіемъ занялъ положеніе, отчасти напоминающее Ренана: онъ признаетъ его подлинность, но не придаетъ ему никакого положительнаго значенія въ опредѣленіи евангельскаго понятія царства Божїя, считая правильною и истинною евангельскою не эсхатологическую, а исключительно-этическоею концепцію царства Божїя, какъ только религіозно-нравственнаго и внутренняго блага, — близости человѣческой къ Богу. Такая концепція не отвѣчаетъ дѣйствительному ученію Христа о царствѣ Божіемъ, которое, по признанію самого Гарнака, обнимаетъ собою и ветхозавѣтно-іудейское эсхатологическое понятіе во всѣхъ отбѣнкахъ и формахъ, и имманентно-этическое понятіе, объявляя въ одно и то же время царство Божіе вѣншимъ владычествомъ Бога и чѣмъ-то еще будущимъ, и внутри насъ пребывающимъ и уже наступившимъ. По мнѣнію ученаго историка благовѣстіе Христово о царствѣ Божіемъ заключено между двумя несоединимыми полосами въ понятіяхъ по этому вопросу и лишено внутренняго единства. Поэтому нѣмецкій профессоръ считаетъ законнымъ и нужнымъ въ опредѣленіи евангельскаго понятія о царствѣ Божіемъ внести поправку въ самое ученіе Христа, очистить его отъ наноснаго и чуждаго ему эсхатологическаго элемента, заимствованнаго изъ ходячихъ іудейскихъ представлений. Онъ называетъ этотъ элементъ „шелухою“ евангельскаго ученія и отбрасываетъ его, что бы получить „зерно“, т. е. рачіоналистическое понятіе о царствѣ Божіемъ (*Das Wesen des Christenthums* 3 pp. 35, 36). Конечно, всякій согласится, что въ опредѣленіи Христова ученія о царствѣ Божіемъ нашъ историкъ слѣдуетъ не научно-историческому методу, но произвольной мѣркѣ и личнымъ вкусамъ, объявляя „дѣйствительною собственностью“ Христа (35), типичнымъ и великимъ въ Его ученіи только то, что ему нравится, а не то, что признано подлиннымъ, хотя-бы и не нравилось намъ. И очищенное, исправленное такимъ способомъ ученіе Христово выдается за дѣйствительное Его ученіе! Фальсификація совершается, такимъ образомъ, у всѣхъ на виду. Она оправданіе находитъ себѣ можетъ, конечно, только въ отношеніи Гарнака къ Личности Іисуса Христа: для него Онъ только челоуѣкъ, хотя и великій (35), а въ отношеніи къ людямъ, хотя бы и великимъ, возможна критика, поправки: никто не свободенъ отъ ошибокъ... Впрочемъ, операція очищенія „ядра“ отъ „шелухи“ основана на одномъ прискорбномъ недоразумѣніи: на различіи какого-то зерна и шелухи и мнимомъ противорѣчіи и „полюсахъ“ въ евангельскомъ ученіи о царствѣ Божіемъ. Мы видѣли, противорѣчія между этическою и эсхатологическою сторонами царства Божїя нѣтъ, нѣтъ и полюсовъ, и ядра съ шелухою, — все это — иллюзія, недомысліе, возможное и для великихъ ученыхъ, и въ полномъ смыслѣ „шелуха“ гарнаковскаго богословія. Самъ ученый однако подобнаго рода операцію очищенія евангельскаго ученія о цар-

Наконецъ, при правильномъ возрѣніи на нравственную и религіозную природу человѣка для возстановленія общенія его съ Божествомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, и для основанія царства Божія на землѣ требуется еще примиреніе Бога и людей. Зло отовсюду тѣснитъ человѣка: оно свило себѣ гнѣздо и въ умѣ, и въ сердцѣ человѣка, зло заявляетъ о себѣ въ тѣлѣ его болѣзнями и смертію, оно виситъ надъ нимъ въ воздухѣ, во всѣхъ вещахъ и стихіяхъ природы, а по ученію христіанскому еще изливается на человѣка и изъ темнаго загадочнаго міра таинственныхъ духовныхъ силъ, въ нѣдрахъ котораго зачалось самое зло. Главное же бѣдствіе человѣка, главный источникъ всѣхъ золъ есть удаленіе его отъ Источника всѣхъ истинныхъ

ствѣ Божиємъ отъ всего внѣшняго и наноснаго и различенія чужого и собственнаго въ ученіи Иисуса, ядра и скорлупы признаеть задачей щекотливую, трудною и отвѣтственною для историковъ. Нашъ „историкъ“ здѣсь правъ: такая задача не только тяжела, но она невозможна и излишня. Зерно ученія о царствѣ Божиємъ заключено по мнѣнію Гарнака будто-бы только въ притчахъ, стоящихъ будто бы въ явномъ противорѣчій съ другими мѣстами евангельскаго ученія въ іудейско-эсхатологическомъ направленіи. Только въ притчахъ выражена подлинная мысль Спасителя о царствѣ Божиємъ... „Кто хочетъ знать, что такое царство Божіе въ ученіи Спасителя, тотъ долженъ читать Его притчи“. И здѣсь царство Божіе вездѣ представляется владычествомъ святаго Бога въ сердцахъ людей. Все драматическое (борьба царства Божія съ царствомъ діавола), все внѣшнее въ представленіяхъ о царствѣ Божиємъ, и ожиданія будущаго его откровенія въ притчахъ отсутствуютъ. Возьмите какую угодно притчу Спасителя—слово Божіе, Онъ Самъ есть въ нихъ царство Божіе, и янгдѣ нѣтъ рѣчи объ ангелахъ и діаволѣ, о тронахъ и княжествахъ, но вездѣ дѣло идетъ о душѣ и Богѣ ея, о Богѣ и душѣ (36). Всякій знаетъ однако притчи Господа о пшеницѣ и плевелахъ, о десяти дѣвахъ, о страшномъ судѣ и т. п., гдѣ говорится и объ ангелахъ, и о дьяволѣ, и о тронахъ, и т. п. (Мѣ. XIII, 19, 38—39, 41, 49; XXV, 31 и проч.). Надо согласиться, щекотливая задача, взятая нашимъ „историкомъ“, не выполнена. Правда, признаніе исторической подлинности эсхатологическаго элемента въ ученіи Христовомъ о царствѣ Божиємъ ставить проф. Ад. Гарнака выше Рейсса, Гольцмана и др. второстепенныхъ, но въ операціи выдѣленія зерна евангельскаго ученія и въ самой мысли о подобной задачѣ исторической тактъ и чутье совсемъ измѣняютъ нашему богослову — историкъ, — измѣняютъ до степени просто неправильной передачи содержанія евангельскихъ притчей!.. Въ этомъ пунктѣ даже Ренапъ остается болѣе вѣренъ требованіямъ историческаго метода и болѣе послѣдователенъ своему замыслу чѣмъ Гарнакъ...

благъ, забвеніе Бога, о *Немъ же живемъ и движемся и есмь* (Д. А. XVII, 28), забвеніе не мимолетное и слабое, но упорное и глубокое. Мы положили сокровища свои не въ Богъ, а въ Его твари; въ этомъ неполномъ отраженіи истиннаго Свѣта, Красоты, Блаженства и Совершенства мы думаемъ найти и свѣтъ, и жизнь и счастье. Возвратить душу чело-вѣческую Богу или возстановить ея общеніе съ Богомъ— вотъ главное, что требуется для спасенія человѣка. А все это могло быть выполнено не иначе, какъ только искупленіемъ людей! Но это вѣдетъ, въ связи со всѣмъ вышесказаннымъ, къ слѣдующему выводу о главнѣйшемъ средствѣ къ осуществленію царства Божія: такимъ средствомъ можетъ быть только одно искупленіе, понимаемое въ широкомъ смыслѣ,—не только какъ измѣненіе чело-вѣческой природы, освобожденіе ея отъ зла, но и какъ примиреніе Бога и чело-вѣка. Раціонализмъ, конечно, не отрицаетъ искупленія. Онъ употребляетъ это слово, но не въ томъ значеніи, какое усвоено ему въ христіанской догматикѣ: онъ принимаетъ слово „искупленіе“ въ узкомъ, одномъ этическомъ смыслѣ какъ нравственное возрожденіе или улучшеніе чело-вѣка. Такое искупленіе могло быть достигнуто и однимъ ученіемъ Іисуса Христа, по его мнѣнію, однимъ словомъ Его. Іисусъ Христосъ, говорятъ намъ раціоналисты, обновилъ міръ однимъ Своимъ словомъ; но они должны намъ объяснить, какимъ образомъ однихъ словъ (или одного ученія) Іисуса Христа было достаточно, чтобы произвести то громадное дѣйствіе, какое они произвели? Раціонализмъ долженъ намъ объяснить чрезвычайную силу слова Христова, тѣмъ болѣе, что по взгляду его въ ученіи Іисуса Христа нѣтъ ничего абсолютно новаго, чего бы по частямъ и съ меньшею силою не высказали древніе учителя, философы, религиозные ре-форматоры, какъ, напр., Будда, Конфуцій, Сократъ, Платонъ, Сенека, еврейскіе мудрецы Гиллель, Шаммай, Гамалиилъ. По мнѣнію раціоналистовъ Іисусъ Христосъ въ Своемъ уче-ніи, даже нравственномъ, явился только выразителемъ смут-ныхъ думъ и стремленій чело-вѣческой души къ правдѣ и свѣту. И по ученію самого слова Божія мораль Іисуса Христа въ сущности не заключаетъ чего-нибудь абсолютно новаго, что не было-бы извѣстно древнему міру. Іисусъ Хри-стосъ на тайной вечери сказалъ Своимъ ученикамъ: „запо-

вѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга“. Въ другомъ классическомъ мѣстѣ заповѣдь о любви выражена полнѣе (см. Мѡ. XXII, 37—40; XIX, 19; Мр. XII, 30—31; Лк. X, 27). Но извѣстно, что заповѣдь эта здѣсь выражена словами ветхозавѣтнаго закона, именно словами книгъ Левита, и Второзаконія (Втор. VI, 4—5; Лев. XIX, 18 ср. Мр. XII, 30—31); она такимъ образомъ извѣстна была и въ Ветхомъ Завѣтѣ. Подобную же мысль высказываетъ Іоаннъ Богословъ въ 1-мъ соб. посл. II, 7—8; „возлюбленніи, пишу вамъ не новую заповѣдь, но заповѣдь древнюю, которую вы имѣли отъ начала“. Но такъ какъ она была дана и въ новое время, и получила новое освѣщеніе, то онъ говоритъ: „но и новую заповѣдь пишу вамъ“. И такъ, въ чемъ же лежала сила словъ І. Христа, не возвѣстившаго ничего новаго міру? Эта сила ученія Христа необъяснима безъ предположенія, что здѣсь старія слова сказаны были міру въ новыхъ условіяхъ, въ такихъ условіяхъ, которыя сообщили словамъ жизненность, небывалую дѣйственность. Все дѣло въ томъ, что эти слова были сказаны устами Того, Кто болѣе, чѣмъ человекъ,—не только человекъ, но и Богъ. Тотъ, Кто принесъ евангельское ученіе на землю, имѣлъ власть дать людямъ больше одной истины. Іисусъ Христосъ, какъ Богочеловекъ, принесъ съ Собой на землю не одну истину, но вмѣстѣ съ тѣмъ благодать, прощеніе, силу, жизнь, избавленіе отъ зла, отъ всего, что препятствуетъ осуществленію царства Божія на землѣ. Однимъ словомъ, Онъ принесъ искупленіе. Іисусъ Христосъ основалъ такимъ образомъ царство Божіе не однимъ только Своимъ ученіемъ или сообщеніемъ истины людямъ, но и многимъ другимъ, безъ чего Его ученіе не могло бы возымѣть силу. Спасительное значеніе въ дѣлѣ устроенія царства Божія на землѣ, кромѣ ученія Іисуса Христа, получаютъ еще и самая Его личность, Его жизнь, Его дѣятельность, т. е. различныя Его дѣла и событія въ Его земной жизни, изъ которыхъ главными являются: страданіе и крестная смерть, воскресеніе, вознесеніе на небеса, ниспосланіе св. Духа вѣрующимъ и учрежденіе Церкви, которая въ свою очередь сама стала, такъ сказать, ядромъ царства Божія, его душой. Такимъ образомъ міръ увидѣлъ въ Іисусѣ Христѣ не одно только выраженіе своихъ смутныхъ идей и стремленій къ правдѣ и счастью: во Христѣ и чрезъ Хри-

ста онъ почувствовалъ прикосновеніе къ себѣ Божественной силы, Божественной жизни, милосердія, правды и любви и чрезъ это самъ ожилъ для жизни, любви и истины. Вотъ въ чемъ заключается сила ученія Іисуса Христа, которой не въ состояніи объяснить намъ раціоналисты! Онъ явился не однимъ только Учителемъ истины, но и могущественнымъ Искупителемъ людей, Который, сообщивъ намъ истину, вмѣстѣ съ тѣмъ, далъ намъ силы для ея осуществленія. Итакъ, не ученіе одно, а искупленіе въ широкомъ смыслѣ Господь Іисусъ Христосъ избралъ средствомъ для основанія царства Божія (да иного средства и быть не могло). Отсюда ясно, въ какомъ отношеніи находятся между собою царство Божіе и искупленіе въ дѣлѣ Христовомъ. Основаніе царства Божія въ дѣлѣ Христовомъ есть Его цѣль, а искупленіе становится средствомъ или способомъ къ осуществленію царства Божія. Это не два какія-нибудь различныя дѣла, а одно и то же дѣло Христово, разсматриваемое съ разныхъ сторонъ. Разсматриваемое со стороны своей цѣли и сущности, дѣло Христово есть основаніе царства Божія; разсматриваемое со стороны способа своего выполненія, дѣло Христово есть искупленіе. То и другое совпадаетъ другъ съ другомъ, и слово „искупленіе“ въ изложеніи христіанскаго ученія о дѣлѣ Христовомъ вполне можетъ замѣнить терминъ „Царство Божіе“.

Возстановленіе царства Божія совершается путемъ искупленія человѣческаго рода. Посредницею искупленія людей служитъ основанная Іисусомъ Христомъ церковь; поэтому церковь, служащая спасенію душъ и содѣйствующая усвоенію совершеннаго Христомъ искупленія людей, въ то же самое время служитъ и возстановленію царства Божія; церковь главнѣйшій органъ царства Божія на землѣ. И дѣйствительно, въ церкви вѣрующіе вступаютъ въ единеніе со всѣмъ міромъ разумныхъ существъ, — и съ ангелами, и съ отшедшими въ лучшій міръ душами праведныхъ, и становятся членами великаго царства Божія; обнимающаго собою вѣка и вѣчность, небо и землю подъ властію, „нетлѣннаго Царя вѣковъ“, Главы церкви, Которому подчинялись и ангелы (Евр. XII, 22—23; Еф. I, 20—23; Флп. II, 9—11; 1 Пет. III, 22). Такимъ образомъ, хотя церковь отлична отъ царства Божія, однако, вслѣдствіе центрального значенія въ исторіи

царства Божія, по удачному выраженію одного богослова (Делича) „въ великомъ, все собою объемлющемъ, кругъ грядущаго царства Божія кругъ церкви находится въ самомъ центрѣ“. Прекрасное разъясненіе этой мысли даетъ отечественный богословъ: Поставляя конечную цѣль церкви „благодатнаго царства“ въ томъ, что ап. Павелъ изображаетъ въ 1 Кор. XV, 24—29, т. е. въ осуществленіи царства Божія, когда *Богъ будетъ вся во всемъ*, богословъ пишетъ: „Вотъ конецъ, вотъ цѣль благодатнаго царства! *Да будетъ Богъ всяческая во всемъ*,—т. е. когда жизнь благодатная, божественная, сокрытая теперь въ душахъ вѣрующихъ—избранныхъ, какъ сѣмя раскроется въ нихъ и возблится, достигнетъ своей полноты и совершенства, тогда въ сей полнотѣ жизни грѣхъ уничтожится, смерть упразднится, души отрѣшатся отъ узъ всего тлѣннаго и перстнаго, и будутъ, по выраженію апостола, со Христомъ. Въ семъ же раскрытіи жизни благодатной, поелику это есть жизнь божественная, будетъ одно созерцаніе избранныхъ душъ—Богъ, одна любовь—Богъ, одна власть во вселенной—Богъ, одно добро—Богъ, одно блаженство—Богъ, однимъ словомъ Богъ будетъ всяческая во всемъ. Теперь сіе царство на небѣ, и есть-ли тамъ какая либо другая воля, кромѣ воли Вседержителя, въ которомъ чистые духи живутъ и блаженствуютъ? Но мы ожидаемъ сего же царства и на землѣ, когда Богъ будетъ всяческая во всѣхъ: можетъ-ли и на землѣ быть какая-либо иная воля, кромѣ единаго Бога? И вотъ мы просимъ и надѣемся, да будетъ воля Его, яко на небеси и на земли“¹⁾. Церковь, замкнувшаяся въ себя съ равнодушіемъ къ міру скорби и слезъ, въ которомъ живутъ ея же члены, не могла

¹⁾ *Еписк. Иоанна Смоленскаго*. Богословскія академическія чтенія. СПб. 1897, стр. 159—160, ср. 154—155. Богословъ идетъ дальше и на основаніи слова Божія утверждаетъ необходимость и долгъ христіанина желать наступленія царства Божія не въ концѣ только міра, но и въ настоящихъ еще историческихъ земныхъ условіяхъ жизни рода человѣческаго. Именно о наступленіи этого царства Божія на землѣ повелѣваетъ Самъ Господь молиться намъ во второмъ прошеніи молитвы Своей: *Да придетъ Царствіе Твое!* Это видно и изъ третьяго прошенія: *Да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли*; ибо осуществленіе воли Божіей на землѣ и подчиненіе ей людей и было-бы осуществленіемъ Царства Божія на землѣ (стр. 158, 159).

бы выполнить даже прямой своей цѣли, спасенія душъ людей, воспитанія членовъ своихъ въ чадъ царствія Божія, царства небеснаго. Удобною и подходящею средою для такого воспитанія души въ жизнь вѣчную не можетъ служить міръ безысходной скорби, мрака и грѣха, гдѣ въ нищетѣ, голодѣ, угнетеніи, болѣзняхъ, невѣжествѣ, подъ непосильнымъ бременемъ зла жизни въ душныхъ подземельяхъ гаснутъ и совѣсть, и вѣра въ добро. Міръ, это царство зла и страданій, теперь же, въ земныхъ условіяхъ, долженъ быть превращенъ въ царство добра, царство Божіе, насколько то возможно, чтобы служить переходомъ къ высшей формѣ его въ царствіи небесномъ; желательно и необходимо царство Божіе еще здѣсь, на землѣ, ради царства Божія на небѣ. Только по мѣрѣ превращенія въ царство Божіе, насколько то возможно, міръ становится удобною средою для приготовленія и къ переходу душъ отъ временной къ вѣчной жизни; только царствомъ Божиимъ устраняется эта, столь нежелательная, бездна между временнымъ и вѣчнымъ, между землею и небомъ ¹⁾. Церковь Христова съ заключеннымъ въ ней очагомъ евангельскаго свѣта и добра естественнымъ образомъ предназначена послужить—средствомъ къ преобразованію міра въ духѣ евангельскихъ началъ и сдѣлаться закваскою, душою царства Божія (Мө. XIII, 33), *солью земли и свѣтомъ міра* (Мө. V, 13, 14). Называемая церковь въ лицѣ Своего „малаго стада“,—первыхъ учениковъ и послѣдователей, *солью земли и свѣтомъ міра*, Господь несомнѣнно этими словами возлагалъ на церковь высокую миссію обновленія міра и служенія царству Божію на землѣ. Не иная, какъ только эта мысль о созиданіи царства Божія церковью, заключается въ словахъ ободренія Спасителя малому стаду или церкви Его, столь необходи-

¹⁾ „Съ которыхъ поръ положено, что церковь существуетъ для того, что бы образовать аскетовъ, наполнять монастыри и высказывать въ храмахъ поэзію своихъ обрядовъ и процессій? Это малая доля ея дѣятельности. Ея обязанность *научить вся языки*. Ей должно образовывать людей такъ, чтобы среди земного града они готовились къ небесному. На нее возложено внушить народу уваженіе къ закону и къ властямъ, внушить власти уваженіе къ свободѣ человѣческой,—а говорятъ, что ей нѣтъ дѣла до общества“. (К. П. Побѣдоносцева *Московскій сборникъ*. Москва 1896³, стр. 10).

маго въ ея трудномъ и великомъ служеніи царству Божію, этой конечной цѣли всего дѣла Христова: *Не бойся малое стадо! ибо Отецъ вашъ благоволилъ дать вамъ царство* (Лк. XII, 32). Для кого не ясно, что здѣсь царство Божіе объявляется дѣломъ церкви, ея подвиговъ и трудовъ, за которые оно дается церкви? И мы видимъ уже въ исторіи начало осуществленія пророческаго слова Господа о церкви, какъ разсадницѣ царства Божія. Закваскою царства Божія, солью и свѣтомъ міра являетъ намъ дѣйствительно христіанскую церковь исторія: она говоритъ намъ о благотворномъ воздѣйствіи церкви на семью, школу, общество, государство,— на всѣ сферы человѣческой жизни и дѣятельности. Силою Христова свѣта, сохраняемаго и распространяемаго церковью, создана новая эра въ исторіи и человѣчество поставлено на новые пути къ лучшему будущему. Такимъ образомъ церковь служила и служить не только спасенію душъ или духовному преобразованію отдѣльныхъ лицъ, но и преобразованію и улучшенію общественной среды ¹⁾.

1) Дѣйствіемъ церкви на общественную человѣческую среду не исчерпывается все служеніе церкви царству Божію. Сообразно съ двумя сторонами въ царствѣ Божіемъ, *этической* и *космической*, и служеніе церкви царству Божію двояко: церковь служитъ не только орудіемъ нравственнаго обновленія обществъ и всего человѣчества, но и началомъ къ *космическому*, обновленію и просвѣтленію отпавшей отъ Бога твари, и въ ней полагается начало матеріальнаго обновленія міра. Для содѣйствія осуществленію царства Божія во всей его полнотѣ церковь располагаетъ всѣми къ тому нужными средствами. „Царство Божіе“, справедливо разсуждаетъ *Вл. Серг. Соловьевъ*, „должно быть достигнуто Божіими путями, и эти пути открываетъ намъ церковь. Для осуществленія царства Божія на землѣ человѣку нужны: 1) истинная вѣра въ Бога; 2) праведное отношеніе ко всѣмъ людямъ, и 3) цѣлесообразная власть надъ матеріальной природой“. Въ церкви подается человѣку не только первое и второе, но и третье. „Для того, что бы цѣлесообразно властвовать надъ матеріальной природой, преобразуя ее въ живую оболочку и среду высшихъ, духовныхъ и божественныхъ силъ — въ тѣло Божіе, нужно человѣку въ себѣ уже имѣть начатокъ этого тѣла Божія, сѣмя новой высшей природы и жизни (тѣло духовное), а это сѣмя чистоты и свѣтлости, безусловная форма преобразенной матеріи, заключается только въ тѣлѣ Христовомъ, и только приобщаясь ему таинственно, можемъ мы принять и въ себя этотъ зародышъ новой жизни, въ которой и къ намъ переходитъ Христова власть надъ всякою плотью. Иначе въ своей собственной извращенной природѣ, которая есть „тѣло грѣха“, мы не найдемъ никакого основанія для возстановленія свѣтлой и святой тѣлесности, а

Въ великой работѣ своей по созиданію царства Божія на землѣ церковь не остается одинокою: все лучшее въ чело-вѣчествѣ вмѣстѣ съ нею, сознательно и безсознательно, работаетъ въ пользу царства Божія. Посильную службу царству Божію на землѣ несутъ наука, право, государство, литература, искусства,—словомъ вся цивилизація, своимъ путемъ, отличнымъ отъ религіи, ведущая насъ къ одной и той же цѣли постепеннаго созиданія лучшаго будущаго, царства Божія на землѣ. Здѣсь, а не гдѣ-либо, лежитъ цѣль цивилизаціи, здѣсь единственно идеаль историческаго прогресса, достойный тяжелыхъ трудовъ и усилий, затрачиваемыхъ чело-вѣчествомъ въ поискахъ лучшаго будущаго!

Наука, вѣрная своимъ задачамъ, ведетъ насъ своими путями къ тому же свѣту, правдѣ и добру, которыя составляютъ содержаніе и конечную цѣль царства Божія; наука служитъ благу страждущаго чело-вѣчества, вооружаетъ насъ средствами въ борьбѣ съ разнообразнымъ зломъ; наука подъ знаменемъ истины объединяетъ всѣхъ людей безъ различія племени, званій и состояній въ одну великую семью и тѣмъ содѣйствуетъ утверженію царства мира и братства на землѣ.

Въ службѣ царству Божію, царству свѣта и добра, литература занимаетъ одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ. Она расширяетъ наши знанія о жизни и людяхъ правдивымъ изображеніемъ чело-вѣческой жизни, открываетъ и бичуетъ недостатки обществъ и времени, въ яркихъ краскахъ изображаетъ неисчислимыя страданія людскія и зло жизни въ разнообразныхъ его проявленіяхъ, увеличиваетъ въ насъ пониманіе людскаго горя и способность сочувствія, любовь къ ближнему и т. д.; будучи не простымъ только воспроизведеніемъ жизни, но „мышленіемъ въ образахъ“, литература служитъ легкимъ и могущественнымъ проводникомъ въ обществѣ научно-философскихъ и религіозныхъ идей, и не только идей, но и настроеній и чувствъ, оплодотворяющихъ творчество писателей художниковъ; она служитъ въ одно и то же время и выразительницею, и руководительницею

безъ этой свѣтлой и святой тѣлесности мы всегда будемъ рабами, а не владыками матеріальнаго міра, хотя бы къ нимъ стремились души изъ всѣхъ семи сферъ“. (*Духовныя основы жизни*. СПб. 1897³, стр. 127—129)

или воспитательницею общества и общественнаго мнѣнія. Все это дѣлаеть литературу великою нравственно-воспитательною и общественною силою. Такою силою литература была и не перестаетъ быть въ особенности, по историческимъ условіямъ, въ жизни русскаго народа. Работа русскаго слова такова, что ея не можетъ не благословить церковь, жаждущая царства Божія на землѣ: она совершается въ духѣ началъ евангелія, въ духѣ мира и любви къ ближнему. Счастливое соединеніе реализма съ идеализмомъ, стремленіе изображать жизнь и дѣйствительность во свѣтѣ высшихъ идеаловъ и евангельскихъ началъ правды и любви къ ближнему, коротко—религіозно-этическій идеализмъ—вотъ отличительная народная черта нашей литературы, создавшая ей небывалое вліяніе, вниманіе и почетнѣйшее положеніе во всемірной литературѣ. Общимъ голосомъ народовъ русская литература признана великою нравственною силою, отъ которой ждуть многіе возрожденія западной литературы, погрязнувшей въ матеріализмъ или натурализмъ. Ее называютъ „проповѣдью Евангелія и жалости“, даже — „евангелиемъ жалости“... Въ нисколько не преувеличенной характеристикѣ этой черты русской литературы одинъ изъ иностранныхъ критиковъ (Мельхіоръ де-Вогюэ) справедливо замѣчаетъ, что „русскіе писатели размышляютъ о томъ, что скрыто отъ взоровъ. За видимыми предметами и явленіями которые они описываютъ съ большою точностью, они особенно заняты тѣмъ, что невѣдомо и что открыто только догадкамъ. Дѣйствующія лица ихъ произведеній заняты мыслью о тайнѣ бытія, и какъ бы они ни были поглощены драматическими столкновеніями жизни, они внимательно прислушиваются къ шопоту отвлеченныхъ идей“¹⁾. Главный и почти исключительный интересъ у русскихъ писателей сосредоточивается на внутреннемъ смыслѣ явленій жизни, отъ этихъ преходящихъ явленій жизни они поднимаются къ ихъ внутреннему значенію. Исканіе Бога, правды, разгадки тайнъ бытія проходитъ красною нитью черезъ творчество

¹⁾ Ст. *Зин. Венгеровой* „Русскій романъ во Франціи“, Вѣстникъ Евр. 1899, кн. 2. Въ этой статьѣ г-жи Венгеровой дается сводъ мнѣній французской критики, занимающейся изученіемъ идеализма русской литературы (де-Вогюэ, Жильберъ, Бурже, Леметръ, Генкекья, Брюнетьеръ).

писателей, какъ говорятъ, даже „невѣрующихъ“ (Тургеневъ, Надсонъ и др.). Все это сообщаетъ произведеніямъ русскаго слова печать глубокой нравственной серьезности, философской вдумчивости, даже религіозности. Религіозность произведеній искусства, какъ ихъ нравственность, вовсе не заключается въ прямой разработкѣ религіозныхъ и моральныхъ сюжетовъ, въ иллюстраціяхъ догматовъ вѣры и правилъ морали, въ наборѣ священныхъ и хорошихъ словъ и сентенцій и т. п.: все это можетъ дать только скучное нравученіе и сантиментальное резонерство. Религіозность и нравственность искусства заключаются въ общемъ духовномъ настроеніи художника, оплодотворяющемъ весь его творческій процессъ. Можно быть глубоко-религіознымъ въ душѣ, по ея общему настроенію, не сознавая того. Таковы многіе изъ нашихъ писателей. Ихъ душа всецѣло устремлена къ вѣчному и безконечному даже тогда, когда творческимъ воображеніемъ носится въ сферѣ земного и конечнаго: безконечное постоянно стоитъ передъ ихъ сознаніемъ и служить мѣркою для оцѣнки временнаго. Отсюда-то именно и развивается сопутствующая идеализму дополнительная черта его, пессимистическій тонъ русской литературы, грусть и недовольство земнымъ, отъ живого сознанія разлада между идеаломъ и дѣйствительностью. Отсюда также и это замѣчательное въ произведеніяхъ Толстого и особенно Тургенева сосредоточеніе мысли на смерти. Но этотъ пессимизмъ русской литературы, коренящійся не въ однихъ социальныхъ, но и расовыхъ славяно-русскихъ особенностяхъ, ничего общаго съ отчаяніемъ и уныніемъ истиннаго пессимизма не имѣетъ и справедливо названъ (французскою) критикою „идеалистическимъ русскимъ пессимизмомъ“: эта грусть—живая тоска по правдѣ, по Богѣ, по лучшему, соединенная съ глубокою вѣрою въ реальность добра и его побѣду, это — томительная жажда правды и добра, скорѣйшей ихъ побѣды надъ зломъ, жажда царства Божія на землѣ, съ такою очевидностью выступающая особенно въ произведеніяхъ Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевскаго.

Художественная литература есть уже одинъ изъ видовъ искусства, и сказанное о литературѣ можетъ быть отнесено къ искусству вообще.

Религія благословляетъ всякое истинное искусство, если

оно служить истинно-прекрасному, потому что истинно-прекрасное совпадаетъ съ добрымъ и все доброе прекрасно. Искусство можетъ имѣть глубоко-нравственное и глубоко-религіозное значеніе, даже не разрабатывая прямо вопросовъ религіи и морали. Оно поучаетъ, назидаетъ и воспитываетъ не такъ, какъ это дѣлаютъ мораль или философія: оно не обращается къ намъ съ готовыми опредѣленными положеніями, не для всякаго ума доступными; но завладѣваетъ съ легкостью и необычайною силою нашимъ воображеніемъ и чувствомъ и уноситъ насъ съ художникомъ въ міръ иной дѣйствительности, создаваемой его вдохновеніемъ. Надобно только, чтобы этотъ міръ, въ который вводитъ нашу душу творческое вдохновеніе поэта, былъ наполненъ чистыми и свѣтлыми образами и затрогивалъ въ нашей душѣ одни высокія, лучшія ея стороны, будилъ только хорошее, честное, высокое и прекрасное. Такимъ образомъ, назидательность искусства, его религіозное и нравственное значеніе вполнѣ обусловливаются нравственною личностью художника. Искусство, при этомъ условіи, доставляетъ благородное развлеченіе и законный отдыхъ для души, утомленной впечатлѣніями мелкой будничной дѣйствительности, угнетаемой житейскими заботами и печальями. Оно врачуетъ и облегчаетъ наше горе и скорби, заставляя забывать ихъ; оно не даетъ нашей душѣ смѣшиваться съ неизбѣжной грязью будничной жизни и освѣжаетъ ее всякій разъ въ чистыхъ струяхъ высокаго вдохновенія; искусство не даетъ умереть искрѣ Божіей въ нашей душѣ, будитъ и поддерживаетъ ее; искусство влечетъ нашу душу изъ этого міра къ міру лучшей и высшей дѣйствительности, постоянно напоминаетъ о немъ и питаетъ стремленіе къ нему; оно напоминаетъ намъ о небѣ, о раѣ, нами утраченномъ, о мірѣ истинной гармоніи и красоты, о царствѣ вѣчнаго добра, любви безконечной; оно даритъ насъ высокими свѣтлыми мгновеніями и подкрѣпляетъ нашу вѣру въ лучшее. Искусство обладаетъ великимъ могуществомъ на мгновенія просвѣтлять и преобразовывать самую нашу душу: оно даетъ миръ душѣ, обуреваемой страстями, слабость превращаетъ въ мужество; твердое каменное сердце заставляетъ биться сочувствіемъ и нѣжностью къ ближнему; оно выдавлиываетъ слезы состраданія и жалости изъ

глазъ згоиста, никогда не плакавшаго о другихъ; искусство звѣря укрощаетъ и превращаетъ въ человѣка. „Поэтъ“, говоритъ Шекспиръ, „не даромъ сочинилъ, будто Орфей зачаровывалъ деревья, камни и потоки, потому что на свѣтъ нѣтъ ничего настолько упornaго, твердаго и свирѣпаго, что бы на время не укрощалось музыкой. Тотъ, въ комъ нѣтъ любви къ музыкѣ, кого не трогаетъ согласіе сладостныхъ звуковъ, способенъ къ измѣнѣ, къ коварству, къ хищности. Движенія души его темны, какъ ночь, а наклонности мрачны, какъ Эребъ; не довѣрай такому человѣку („*Венец. купецъ*“ I, 1) „музыка — это дѣло не человѣческое, и звуки ея—не земные звуки“ (*Буря* I, 2). Музыка издавна получила священное значеніе по своему употребленію при богослуженіи; здѣсь, какъ и вездѣ, она служитъ наилучшимъ средствомъ къ выраженію самыхъ высокихъ и сложныхъ религіозныхъ чувствъ и настроеній поэта, заставляя переживать то, что наполняло его душу. Отсюда само собою слѣдуетъ громадное религіозно-воспитательное значеніе богослужебной музыки, какъ вокальной, такъ инструментальной: она будитъ и поддерживаетъ въ насъ дремлющее религіозное чувство и поднимаетъ насъ съ земли въ міръ высокаго и прекраснаго, свѣтлаго и чистаго, обнимаемаго религіею. Рождаемая полнотою и избыткомъ религіознаго чувства, музыка вообще имѣетъ драгоцѣнную особенность: восполнять скудость и бѣдность нашего чувства, оживляя и наши сухія и холодныя сердца.

Сценическое искусство или театръ есть разцвѣтъ и соединеніе почти всѣхъ искусствъ,—тутъ праздникъ искусствъ—живописи, пластики, музыки, пѣнія, поэзіи призванныхъ для воплощенія драмы. Этимъ соединеніемъ искусствъ объясняется и болѣе интенсивное художественное дѣйствіе и нравственно-воспитательное значеніе театра, о каковомъ такъ много и хорошо сказано было Лессингомъ, Шиллеромъ, Бѣлинскимъ, Гоголемъ и др. компетентными людьми...

Такъ-какъ нравственно-воспитательное значеніе живописи, музыки и др. искусствъ обычно не отрицается, то остановимся немного на сценическомъ искусствѣ, значеніе котораго часто отрицается даже *въ принципѣ* по основаніямъ религіознымъ и моральнымъ. Христіанская научная этика отводитъ театру мѣсто въ области такъ называемаго „безраз-

личнаго“ или, лучше, „дозволеннаго“, т. е. такихъ земныхъ благъ, которыя для чистыхъ чисты и полезны и въ пользованіи которыми предоставляется каждому руководствоваться совѣстью и правиломъ апостола (Рм. XIV, 5, 22—23; 1 Кор. X, 23—31; IX, 13) ¹⁾. Для предубѣжденныхъ театрѣ отходить въ разрядъ сомнительныхъ и несерьезныхъ развлеченій и забавъ, а для иныхъ, знакомыхъ съ дѣломъ болѣе по слуху, театрѣ—грѣховная скверна, нѣчто безусловно недозволительное христіанину, а актеры — люди погибшіе. Такіе для своихъ отношеній къ современному христіанскому театру оправданія ищутъ въ недѣйствующихъ постановленіяхъ древней церкви о *языческомъ* театрѣ и ихъ участникахъ и въ рѣзкомъ порицаніи языческаго театра у нѣкоторыхъ христіанскихъ писателей и отцовъ древней церкви. Сюда относятъ шестого вселенскаго собора правило 51, за участіе въ зрѣлищахъ грозящее клирику изверженіемъ изъ сана, а мірянину отлученіемъ св. причащенія; правило 24-е того же собора, запрещающее посѣщеніе театральныя языческія зрѣлища монахамъ и лицамъ священнаго сана, а также Кароаг. соб. правило 18, запрещающее мірянамъ посѣщеніе театровъ, „гдѣ бываютъ хуленія“, т. е. представляютъ богохульныя и кощунственныя сцены съ осмѣяніемъ христіанской вѣры и таинствъ; наконецъ, апост. правило 18, лишающее права на вступленіе въ клиръ лицамъ, „взявшимъ въ супружество *позорищную*“... Языческій театрѣ выродился прямо изъ языческаго богослуженія, насквозь пропитанъ былъ языческимъ духомъ, служилъ проводникомъ древне-греческихъ языческихъ идей и изображалъ въ лицахъ грязныя похощенія боговъ и т. п., часто кромѣ того позволялъ издѣвательства надъ христіанскою религіею,—такой театрѣ, конечно, долженъ былъ вызвать къ себѣ одно только отрицательное отношеніе со стороны древней церкви. Иное дѣло—драма и драматическое искусство, выросшія на почвѣ христіанскаго вліянія. Несомнѣнно христіанскій духъ положилъ свой отпечатокъ въ из-

¹⁾ Хорошій по полнотѣ обзора возраженій противъ театра и его опасностей и по спокойному рѣшенію сихъ возраженій трактатъ даетъ е. Мартенсенъ „Христіанское ученіе о нравственности“. Спб. 1900, т. II, стр. 693—712.

вѣстной степени и на европейской драмѣ, по крайней мѣрѣ— не меньше, чѣмъ на другихъ искусствахъ, напр. живописи и музыки, давшихъ Рафаэля, Корреджіо, Иванова, Берліоза, Глинку, Чайковскаго, Моцарта и др. под. Со стороны церкви не могло уже быть, какъ прежде, сплошнаго отрицательнаго отношенія къ театру, утратившему ту языческую окраску, которая только и служила причиною его осужденія. И далѣе мы дѣйствительно не видимъ въ церковномъ законодательствѣ никакихъ постановленій какъ по отношенію къ клирикамъ, такъ и мірянамъ, коими осуждалось-бы или воспрещалось для нихъ посѣщеніе театра (что касается причинъ того, почему театръ не посѣщается открыто лицами бѣлаго духовенства въ греко-восточной церкви, то это обстоятельство обуславливается не закономъ, а обычаемъ, иногда болѣе могущественнымъ самого закона...). Напротивъ, довольно ясное для всякаго разрѣшеніе или дозволеніе театра со стороны церкви выражается торжественнымъ совершеніемъ чина освященія закладки и зданія театра, а также молебствія передъ открытіемъ сценическихъ представленій или предъ началомъ такъ наз. театральнаго сезона: церковь не благословила—бы и не осватила именемъ Божіимъ мѣста, гдѣ нельзя бывать христіанину, и дѣла, противнаго христіанской вѣрѣ и нравственности. Всякій законодательный шагъ въ отрицательномъ смыслѣ былъ-бы роковымъ для вѣры и церкви по своимъ послѣдствіямъ: церковь, подписавшая обвинительный приговоръ театральному искусству и осудившая его въ принципѣ, какъ нѣчто недозволенное христіанину, тѣмъ самымъ явно заявила-бы о своемъ отреченіи отъ образованнаго общества, отъ всей цивилизаціи и культуры, созданной ею же самою, вѣками ея вліянія на европейское общество. Театръ только часть цѣлаго, называемаго культурою; онъ ея плодъ, и послѣдовательность требовала-бы тогда перенести осужденіе съ театра и на всю цивилизацію. Это было-бы великимъ бѣдствіемъ для народовъ, гдѣ образованный классъ и духовенство и безъ того разобщены между собою. Отреченіе церкви отъ цивилизаціи вмѣсто плѣненія ея въ послушаніе и служеніе Христу и царству Его было-бы измѣною своему земному назначенію. По отношенію къ драматическому европейскому искусству, выросшему подъ солнцемъ христіанскимъ, такое запрещеніе не можетъ быть

мотивировано недостаточно чистымъ и полнымъ выраженіемъ христіанскаго міросозерцанія въ европейской драмѣ, даже у корифеевъ драмы въ родѣ Гетэ, Шиллера и др.: чистаго и безусловно — полнаго выраженія Евангеліе не нашло еще пока нигдѣ на землѣ—ни въ общественной жизни, ни въ жизни отдѣльныхъ лицъ, ни въ наукѣ, ни въ литературѣ, ни въ другихъ искусствахъ. Съ другой стороны подѣ христіанскимъ драматическимъ искусствомъ, какъ это ранѣе установили по отношеніи къ христіанской литературѣ, нельзя разумѣть прямой проповѣди или наглядной иллюстраціи катихизиса, или же разработку библейско-историческихъ сюжетовъ: всякое искусство нравственно и религіозно съ христіанскою точки зрѣнія, если оно вдохновляется согласными съ христіанскою религіею идеями и настроеніями, которыя могутъ имѣть источникъ свой какъ въ Евангеліи, такъ естественномъ нравственномъ законѣ и человѣческомъ разумѣ, не отрицаемыхъ въ христіанствѣ.

Неясное представленіе о томъ, что именно называется нравственностью искусства, недостаточное знакомство съ предметомъ, вообще сомнительныя эстетическія, моральныя и религіозныя понятія, по наблюденіямъ, играютъ главную роль въ обвинительныхъ филиппикахъ противъ театра.

Пишутъ: „Зрѣлища подѣ видомъ наученія потворствуютъ человѣческимъ слабостямъ и страстямъ, *даютъ пищу нашей склонности къ осмѣянію и осужденію ближнихъ*“. Очевидно, здѣсь осуждается, какъ грѣхъ, тотъ родъ драмы, который называется комедіею. Многое можно сказать противъ такого ригористическаго осужденія смѣха въ литературѣ, (сатиры, юмора, ироніи, сарказма), но ограничимся немногимъ. Смѣшное въ жизни и людяхъ зависитъ не отъ насъ, оно несомнѣнно есть; не отъ насъ зависитъ способность воспріятія смѣшного, а дана намъ Богомъ съ нашею природою — намъ на радость и ближнимъ на пользу. Смѣхъ, какъ и гнѣвъ, получаютъ нравственный характеръ, когда служатъ исправленію ближнихъ. Смѣхъ исправляетъ: люди боятся быть смѣшными... Нравственная польза подобнаго рода обличенія несомнѣнна, достаточно вспомнить исторію „Ревизора“, такъ переполошившаго чиновничій міръ...

„У турокъ нѣтъ театра, его замѣняютъ они опіумомъ. Опіумъ и театръ одно и то же. Театръ есть вещь вовсе не-

христіанская.—Здѣсь, очевидно, рѣчь не о театрѣ, а о злоупотребленіи театромъ, увлеченіи имъ, о страсти къ театру. Иначе этихъ словъ понимать нельзя...

„Въ театрѣ изображается обыденная, суетная, исполненная страстей, надеждъ, очарованій и разочарованій жизнь человѣческая, и вотъ человѣкъ, какъ въ зеркалѣ, любитъся въ театрѣ, забавляется собою и часто своими собственными пороками, рукоплещетъ имъ, одобряетъ ихъ“... Земное человѣческое искусство можетъ изображать только земную дѣйствительность и жизнь. Наглядное изображеніе дѣйствительной человѣческой жизни, какъ она есть, расширяетъ наше познаніе жизни и людей, увеличиваетъ въ насъ пониманіе ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сочувствіе людямъ... Въ театрѣ любятъся не пороками, а мастерскимъ исполненіемъ ролей...

Театръ, пишутъ, беспорно даетъ зрителю эстетическое наслажденіе, будитъ и развиваетъ чувство прекраснаго; но прекрасное и нравственное—двѣ независимыя и даже враждебныя другъ-другу сферы, „такъ люди съ сильно развитымъ нравственнымъ чувствомъ, каковы христіанскіе аскеты и подвижники, не показывали никакихъ признаковъ развитія въ нихъ эстетическаго чувства“... Наблюдается и обратное. „Отсюда съ достаточною ясностью можно видѣть, что эстетическое чувство *иногда* не оказываетъ никакого существеннаго вліянія на нравственное... Можно утверждать, что сильно развитое нравственное чувство препятствуетъ эстетическому наслажденію“ и т. д. ¹⁾ Бываетъ, конечно, что иногда эстетическому чувству не сопутствуетъ нравственное чувство, но вѣдь и религіозное чувство „иногда не оказываетъ никакого существеннаго вліянія на нравственное“, доказательствомъ чего служатъ лицемѣры и пустосвяты; но что-жъ отсюда слѣдуетъ?! Утвержденіе автора о какомъ то естественномъ антагонизмѣ чувствъ эстетическаго и нравственнаго есть всецѣло плодъ его фантазіи. Автору должно быть извѣстно уже изъ учебниковъ православнаго нравственнаго богословія, что „прекрасное умиротворяетъ душу, успокоиваетъ страсти, отвлекаетъ отъ всего грубаго и пошлаго, об-

¹⁾ Назовемъ документъ: это свящ. *И. Г. Орфанитскаго* „Сценическія представленія съ религіозно-нравственной точки зрѣнія“ (ж. *Вѣра и Церковь* 1900, кн. 5, стр. 779—780).

лагороживаесть“; что „самъ Господь Иисусъ Христосъ относился весьма сочувственно къ красотамъ природы и любилъ природу. Для молитвы Онъ удалялся на холмы и горы, училъ народъ при живописныхъ берегахъ моря, на поляхъ, красовавшихся жатвою, обращалъ вниманіе слушателей на роскошныя лиліи Палестины, преобразился на одной изъ прекраснѣйшихъ горъ Галилеи. И христіанскіе подвижники любили избирать для своихъ подвиговъ мѣста, отличавшіяся красотой“ (проф. М. Олесницкій).

При ложныхъ требованіяхъ и понятіяхъ самыя нравственныя драматическія піэсы могутъ оказаться сомнительными, не христіанскими: таковыми оказываются... „Фаустъ“ Гетэ, „Гамлетъ“ Шекспира, „Гроза“ Островскаго!! Вотъ способъ, которымъ приходятъ здѣсь къ обвиненію тѣхъ или иныхъ піэсъ. Падшая женщина въ „Грозѣ“, Екатерина, въ изображеніи драматурга и особенно въ сценическомъ исполненіи вызываетъ въ насъ чувство состраданія, вмѣсто осужденія и негодованія; слѣд. піеса Островскаго нехристіанская... Но такія умствованія извинительны развѣ только нечитавшимъ Евангелія, а не автору-священнику: евангеліе милостивѣе автора къ падшимъ; довольно напомнить Лк. VII, 36—50 и Иоан. VIII, 1—11...

Тому же автору принадлежитъ смѣлое заявленіе, что театръ никогда, безъ сомнѣнія, не можетъ имѣть въ числѣ своихъ посѣтителей *христіанина* (истиннаго христіанина): не находя здѣсь стихій, сродныхъ своему духу, онъ будетъ тутъ скучать.—Театръ, можетъ быть, не видитъ въ числѣ своихъ посѣтителей монаховъ, обязанныхъ къ воздержанію отъ благъ міра обѣтомъ отреченія, не видитъ онъ ханжей и пустосвятовъ; но христіанъ въ своихъ стѣнахъ театръ видѣлъ и можетъ видѣть. Отрицать это было-бы дѣломъ жестокимъ и легкомысленнымъ. Авторъ несомнѣнно признаетъ Гоголя христіаниномъ. Христіаниномъ, какъ человѣкъ и писатель, Гоголь съ трогательнымъ единодушіемъ и въ выраженіяхъ чрезмѣрныхъ былъ объявленъ въ юбилейной духовной литературѣ. Но театръ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ Гоголя, мало того Гоголь писалъ для театра; еще болѣе, написалъ горячую похвалу театру. Похвала Гоголя театру есть голосъ о театрѣ, сочетавшій въ себѣ все, что только можетъ сдѣлать его компетентнымъ въ данномъ случаѣ: это

голосъ христіанина—писателя, соединяющаго нравственную серьезность и глубокую религіозность съ высоко развитымъ художественнымъ чувствомъ и пониманіемъ предмета, о которомъ пишетъ. Вотъ что пишетъ въ поученіе нашимъ противникамъ театра, выступающимъ противъ него отъ имени христіанства, „христіанинъ-аскетъ“, „писатель-подвижникъ“, какимъ признанъ Гоголь въ духовной печати, „*О театрѣ, объ одностороннемъ взглядѣ на театрѣ и вообще объ односторонности*“.—„Театръ ничуть не бездѣлица и вовсе не пустая вещь, если примешь въ соображеніе то, что въ немъ можетъ помѣститься вдругъ толпа изъ пяти, шести тысячъ человѣкъ, и что вся эта толпа, ни въ чемъ не сходная между собою, разбирая ее по единицамъ, можетъ вдругъ потрястись однимъ потрясеніемъ, зарыдать однѣми слезами и засмѣяться однимъ всеобщимъ смѣхомъ. Это такая каеэдра, съ которой можно много сказать міру добра“ (VII, 60).—„Вы помышляете только объ одномъ душевномъ спасеніи вашемъ и, не найдя еще той именно дороги, которую вамъ предназначено достигнуть его, почитаете все, что ни есть въ мірѣ, соблазномъ и препятствіемъ къ спасенію... Ваши нападенія на театрѣ односторонни и несправедливы... Не театрѣ виновать... Много есть такихъ предметовъ, которые страдаютъ изъ-за того, что извратили смыслъ ихъ; а такъ-какъ вообще на свѣтѣ есть много охотниковъ дѣйствовать сгоряча, по пословицѣ: „разсердясь на вшей, да шубу въ печь“, то чрезъ это уничтожается много того, что послужило бы всѣмъ на пользу. Односторонніе люди и при томъ фанатики—язва для общества; бѣда той землѣ и государству, гдѣ въ рукахъ такихъ людей очутится какая-либо власть. У нихъ нѣтъ никакого смиренія христіанскаго и сомнѣнія въ себѣ; они увѣрены, что весь свѣтъ вретъ и одни они только говорятъ правду... Не будьте похожи на тѣхъ святошей, которые желали-бы разомъ уничтожить все, что ни есть въ свѣтѣ, видя во всемъ одно бѣсовское. Ихъ удѣлъ—впадать въ самыя грубыя ошибки... Односторонній человѣкъ не можетъ быть истиннымъ христіаниномъ: онъ можетъ быть только фанатикомъ. Односторонность въ мысляхъ показываетъ только то, что человѣкъ еще на дорогѣ къ христіанству, но не достигнулъ его, потому что христіанство даетъ уже многосторонность уму. Словомъ — храни васъ

Богъ отъ односторонности! Смотрите разумно на всякую вещь и помните, что въ ней могутъ быть двѣ совершенно противоположныя стороны. Другъ мой, мы призваны въ міръ не за тѣмъ, чтобы истреблять и разрушать, но, (подобно Самому Богу), все направлять къ добру, — даже и то, что уже испортилъ человѣкъ и обратилъ во зло. Нѣтъ такого орудія въ мірѣ, которое не было-бы предназначено на службу Бога. Тѣ же самыя трубы, тимпаны, лиры и кимвалы, которыми славили язычники идоловъ своихъ, по одержаніи надъ ними царемъ Давидомъ побѣды, обратились на восхваление истиннаго Бога, и еще обрадовался весь Израиль, услышавъ хвалу Ему на тѣхъ инструментахъ, на которыхъ она дотолѣ не раздавалась. Развлеченный миллионами блестящихъ предметовъ, раскидывающихъ мысли на всѣ стороны, свѣтъ не въ силахъ встрѣтиться прямо со Христомъ. Ему далеко до небесныхъ истинъ христіанства. Онъ ихъ испугается, какъ мрачнаго монастыря, если не подставишь ему незримыя ступени къ христіанству, если не возведешь его на нѣкоторое высшее мѣсто, откуда ему станетъ виднѣе весь необъятный кругозоръ христіанства, и понятнѣе то же самое, что прежде было вовсе недоступно. Среди свѣта есть много такого, что для всѣхъ, отдалившихся отъ христіанства, служитъ незримою ступенью къ христіанству. Въ томъ числѣ можетъ быть и театръ, если будетъ обращенъ къ своему высшему назначенію¹⁾.

Какъ и у насъ, рѣчь у нашего писателя-христіанина, очевидно, идетъ не только о нравственномъ, но и о *религіозномъ значеніи театра*, въ чемъ состоитъ именно его *высшее назначеніе*: театръ — „орудіе, предназначенное въ мірѣ на службу Богу“, „незримая ступень въ свѣтѣ къ Христіанству“ по Гоголю, одно изъ вспомогательныхъ орудій созиданія царства Божія на землѣ по нашей терминологіи...

Отъ вопроса о религіозномъ значеніи искусства, столь запутаннаго „односторонними“, переходимъ, наконецъ, къ огромному вопросу о религіозномъ значеніи государства, какъ орудія въ дѣлѣ осуществленія царства Божія на землѣ:

¹⁾ Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. Нивы. 1900, подъ ред. Н. С. Тихонравова, стр. 59—70 („Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, письмо XIV-е).

связь государства съ дѣломъ религіи и церкви не отрицается и „односторонними“, хотя бы и односторонне понималась ими.

Несомнѣнно, великую службу царству Божію несетъ на землѣ государство, и на него-то именно въ особенности Промыслѣмъ Божіимъ возложена высокая миссія подготовленія царства Божія на землѣ, реального его осуществленія. Если, по ученію христіанскому, всякій земной царь есть *слуга Божій* (Рмл. XIII, 4), исполнитель предначертанія промыслительной божественной воли, то таковымъ органомъ божественной воли на землѣ по преимуществу является христіанскій государь. Ему свыше даны средства на дѣлѣ осуществлять то доброе и свѣтлое, чѣмъ полны всѣ христіанскіе умы и сердца, жаждущіе царства Божія на землѣ; государству по самому существу дѣла открыть наиболѣе короткій путь къ царству Божію: государство, вполнѣ усвоившее себѣ христіанство, было-бы носителемъ царства Божія на землѣ. Ничего большаго для него и не нужно было бы, если бы общества и государства дѣйствительно были христіанскими не по одному названію только, но и на дѣлѣ. Такимъ образомъ, государство является самымъ естественнымъ союзникомъ церкви въ дѣлѣ устроенія царства Божія на землѣ или вспомогательнымъ органомъ царства Божія при посредствѣ церкви, орудіемъ воздѣйствія послѣдней на міръ. Однако въ вопросѣ о религіозномъ значеніи государства, какъ вспомогательнаго органа церкви въ созиданіи царства Божія на землѣ, недостаточно ограничиться общою и неопредѣленною мыслью о содѣйствіи государства церкви: весь центръ тяжести вопроса лежитъ въ объясненіи именно того, какого рода предполагается здѣсь содѣйствіе, ибо иное содѣйствіе здѣсь было-бы хуже противодѣйствія. Другими словами, здѣсь все сводится къ старому и нестарѣющему вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ государства и церкви: значеніе государства, какъ орудія царства Божія на землѣ, сполна зависитъ оттого, въ какія отношенія стануть другъ къ другу государство и церковь. Практическому осуществленію правильныхъ отношеній государства и церкви предшествуетъ, конечно, правильное теоретическое рѣшеніе вопроса объ отношеніяхъ государства и церкви. Авторъ предлагаемаго труда проникнуть глубокимъ убѣжденіемъ, что

истинно-христіанское и жизненно-плодотворное рѣшеніе этого огромнаго вопроса можетъ быть достигнуто лишь во свѣтъ евангельской идеи царства Божія, раскрытой здѣсь во II-ой главѣ. Да послужитъ же она намъ путеводною звѣздою и далѣе въ рѣшеніи великихъ вопросовъ жизни и богословскаго знанія, подобныхъ вопросу объ отношеніяхъ государства и церкви!

Прот. П. Я. Свѣтловъ.

Кіевъ

20 октября 1902 г.